

Валерия С. Ефимова (Москва, Россия)

НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ К ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОМУ КАЛЬКИРОВАНИЮ В СТАРОСЛАВЯНСКОМ ЯЗЫКЕ

Осмысление механизмов старославянского калькирования является важнейшей задачей при изучении номинационной стратегии славянских книжников. Калькирование играло значительную роль в процессе формирования старославянского лексического фонда, осуществляясь посредством трех основных своих видов: поморфемные кальки, семантические кальки, фразеологические кальки. Отметим, что в статье о кальках в Кирилло-Мефодиевской энциклопедии А. Минчева выделила два основных вида калькирования – структурные кальки и семантические кальки (Минчева 1995: 210). Такая „дихотомия“ старославянских калек тоже имеет серьезные основания, так как поморфемное и фразеологическое калькирование создавало новые лексические единицы старославянского инвентаря, тогда как семантическое калькирование новой лексической единицы не создавало, расширяя семантический объем уже существовавшего в славянской народной речи слова.

Феномен семантического калькирования привлёк в своё время внимание Е. М. Верещагина – в связи с изучением им переводческих установок св. Кирилла. Верещагин рассматривал семантическое калькирование применительно к терминотворчеству, квалифицируя его как „транспозицию“ (Верещагин 1997)¹. Примерно в это же время Р. Вечерка писал о старославянском семантическом калькировании как об „эксцессивной семантической идентификации“ (*excessive semantic identification*) (Večerka 1997: 368). Однако наибольшее количество работ по старославянскому калькированию посвящено поморфемным калькам. Поморфемные кальки были в центре внимания палеославистов уже с конца XIX в. – В. Ягич в своем

¹ Так, Е. М. Верещагин пишет: „в случае терминотворческой транспозиции слово, ставшее термином, <...> имеет внешне противоречивые характеристики: его семантика, конечно, модифицируется, но в то же время не порывает с исходной“ (Верещагин 1997: 18–19).

исследовании славянских композитов 1898–1899 годов привел немало примеров старославянского калькирования с греческого (Jagić 1898–1899). В работах последних лет В. С. Ефимовой утверждалось, что старославянское поморфемное калькирование требует пересмотра традиционных методов его изучения, и их автор предпринял попытку применить новые методы на практике (Ефимова 2016; Ефимова 2021: 51–82).

Фразеологическому же калькированию внимания почти не уделялось, хотя наличие такого явления в старославянском языке не могло, разумеется, остаться незамеченным: “For reproducing foreign word groups and phrases by means of loan translation some word groups and phrases may be established in the adopting language as well. Betz presents them as “Lehnwendungen”, the English and French authors know as “phraseological loan translations”, “calques phraséologiques”. These solutions are well-applicable in English as *phraseological calques*” (Molnár 1985: 66). Как явствует из этой дефиниции, данной в до сих пор пользующейся авторитетом у палеославистов монографии Н. Молнара, результатом фразеологического калькирования должно стать старославянское словосочетание. То, что лексический фонд языка включает в себя не только слова, но и словосочетания, лингвисты осознали более ста лет тому назад. Уже в работах Ш. Балли, особенно в его труде 1909 г. “*Traité de stylistique française*”, находим вполне разработанную концепцию учета словосочетаний в качестве лексических единиц и их классификацию (Bally 1921: 66–87). Далее лингвистика пошла по пути изучения структур и свойств этих лексических единиц как фразеологизмов разной степени семантической спаянности, среди которых со времен работ В. В. Виноградова 1946 и 1947 годов обычно принято различать идиомы (фразеологические сращения) = *pure idioms*, фразеологические единства = *figurative idioms* и фразеологические сочетания = *restricted collocations* (Виноградов 1977: 118–161; Cowie 1998: 4–8; Pawley 2007: 10 и др.)². Для целей изучения фразеологического калькирования в старославянском языке существенно, однако, то, что фразеологизмы в лексическом фонде какого-либо языка по большей части рассматривались лингвистами как результаты процессов, которые могли происходить в языке как в течение веков, так и в недавнее время, но результаты, с синхронной точки зрения уже встроенные в достаточно устоявшуюся лексическую систему, готовую к использованию носителем языка³. Примерно с тех же позиций, как из-

² Есть и другие концепции, использующие несколько иную классификацию фразеологических единиц. Существенно иную трактовку фразеологических сочетаний см., например, у Кети Ничевой (Ничева 1987).

³ Ср. понимание фразеологического значения как результата определенных диахронических процессов, которое „не должно подменять анализ его структуры в синхронии“ (Мелерович, Мокиенко 2008: 41–42).

влекаемые целиком из памяти носителем языка, исследуются словосочетания (prefabricated strings) и лингвистами относительно недавно возникшего направления, изучающего „формульный язык“ (formulaic language). “Our working definition of the *formulaic sequence* will be as follows: *a sequence, continuous or discontinuous, of words or other elements, which is, or appears to be, prefabricated: that is, stored and retrieved whole from memory at the time of use, rather than being subject to generation or analysis by the language grammar*”, – пишет Элисон Рэй (Wray 2002: 9, курсив Рэй). Однако именно исследования „формульного языка“ подводят нас к мысли о том, что изучение фразеологического калькирования в старославянском языке должно осуществляться с прямо противоположных позиций: мы имеем дело не с результатом, а с процессом, так как при фразеологическом калькировании славянские книжники словосочетания генерировали (с применением грамматического компонента). Обычно в поле зрения славистов попадают закрепившиеся в узусе славянских языков фразеологизмы типа *нищнн дѡухомь* (οἱ πτωχοὶ τῷ πνεύματι, Мт 5:3), *чнстнн сръдьцьмь* (οἱ καθарοὶ τῇ καρδίᾳ, Мт 5:8) и т. п. (ср. совр. русск. *нищие духом, чистые сердцем*) – как, например, в недавно изданной монографии А. В. Григорьева „Русская библейская фразеология в контексте культуры“ (Григорьев 2019). Надо полагать, что подобные словосочетания становились фразеологизмами разного типа уже в греческом языке, при этом некоторые из них определенно восходили к древнееврейским выражениям (Ефимова, Желязкова 2014: 43; Желязкова 2021). Но всегда ли результаты фразеологического калькирования становились старославянскими фразеологизмами? Могли ли эти словосочетания оказаться в старославянской лексической системе свободными, или фразеологизмами, или стать фразеологизмами потом? Например, словосочетание (несколькословное наименование) *пнѡщен дѡ пнѡнства* калькировано с греческого несколькословного наименования *οἱ πίνοντες εἰς μέθην*, образованного от фразеологического сочетания *πίνειν εἰς μέθην*. Видимо, мы должны считать наименование *пнѡщен дѡ пнѡнства* лексической единицей, поскольку оно, как и в греческом оригинале, номинирует цельный предметный лингвистический концепт⁴ (Ефимова 2020: 98). Но являлось ли оно фразеологическим сочетанием в старославянском языке?

⁴ Иоил 1:5: *ἐκνήψατε οἱ μεθύοντες ἐξ οἴνου αὐτῶν καὶ κλαύσατε θρηνήσατε πάντες οἱ πίνοντες οἶνον εἰς μέθην* – *сѡтврѣднѡте сѡ пнѡннн ѡ вннѡ своѡго . н пнѡчнѡте сѡ . рьдднѡте вѣсн пнѡщен вннѡ дѡ пнѡнства* . по F.I.461 л. 185620. О понятии лингвистического концепта применительно к старославянскому материалу см.: (Ефимова, Желязкова 2014: 35–39. При анализе старославянских текстов по большей части мы имеем дело с „конкретными“ концептами, которые более традиционно можно было бы называть „стоящими за словами понятиями“ (Верещагин, Костомаров 2005: 43–62).

Вопросы к действию механизма фразеологического калькирования как особого типа пословного перевода естественным образом возникают при попытке изучения несколькихсловных номинаций⁵. Однако изучению старославянских словосочетаний и тем более способам их образования палеославысты-лингвисты должного внимания, на наш взгляд, не уделяли⁶, и работы, целенаправленно анализирующие механизмы старославянского фразеологического калькирования, нам неизвестны. В статье Н. Николова 2003 г. – первом, видимо, исследовании, специально посвященном изучению устойчивых словосочетаний⁷ в древнеболгарском языке – проблемы фразеологического калькирования не рассматриваются, хотя в числе примеров устойчивых словосочетаний, приведенных автором, можно обнаружить и словосочетания, образованные с применением фразеологического калькирования. Прежде всего это переводы греческих терминологизированных сочетаний типа *жрътва бескръвьнаа – θυσία ἀναίμακτος* (Николов 2003: 239). Практика сопоставления старославянских текстов и их греческих оригиналов показывает, что многие несколькихсловные наименования, которыми номинируются лингвистические концепты – предметные, действий, а также иногда и определений, могут быть „заподозрены“ в образовании путем фразеологического калькирования. Необходимо, однако, при этом учесть, что, как и в случае с поморфемным калькированием (см., например, в Ефимова 2016: 86–87), одна лишь как будто очевидная похожесть греческих и старославянских словосочетаний не свидетельствует ещё о прямом калькировании, и влияние греческих структур на образование старославянских следует рассмотреть более тщательно.

Прежде всего возникает вопрос о степени близости способа номинации лингвистических концептов несколькихсловными наименованиями в греческом языке лексической системе славянской народной речи интересующего нас периода времени. Ряд исследований (пока многочисленных) показывают, что праславянскому языку, как и другим индоевропейским языкам, фразеологичность была присуща (Ескерт 1991; Толстой 1995; Вальтер, Мокиенко 2019 и др.). Важно, что типологическая общность славянских и других индоевропейских языков отмечается теперь не только в отношении

⁵ В ряде работ последних лет обсуждались проблемы определения статуса встречающихся в древних славянских текстах несколькихсловных наименований как самостоятельных (либо несамостоятельных) лексических единиц (Ефимова, Желязкова 2014; Ефимова 2017: 66–70; Ефимова 2020: 96–98; Ефимова 2021: 166–183; Ефимова 2021а: 55–57).

⁶ Современными старославянскими словарями словосочетания отмечаются, но далеко не исчерпывающе. Наиболее последовательно фиксировать словосочетания стремились, видимо, авторы словаря „Старобългарски речник“ (1999: LI).

⁷ Н. Николов опирался, главным образом, на концепцию К. Ничевой и ее единомышленников, поэтому понятие „устойчивые словосочетания“ у него соответствует примерно понятию „фразеологические сочетания = restricted collocations“.

собственно идиомов и экспрессивных выражений (*figurative idioms*), но и фразеологических сочетаний⁸, которые, чаще всего, и представляют собой несколькословные наименования предметных лингвистических концептов, закрепившиеся в узусе языка. Предполагается, что в праславянском языке существовали фразеологические структурно-семантические модели. Как пишут Харри Вальтер и В. М. Мокиенко, „при реконструкции праславянской фразеологии значимо не воссоздание исходного этимона (как для лексики), но – реконструкция структурно-семантической модели, компоненты которой на общеславянском ареале (особенно диалектном) варьируются“ (Вальтер, Мокиенко 2019: 12). Надо полагать, что в процессе фразеологического калькирования структуры греческих несколькословных номинаций должны были как-то взаимодействовать с существовавшими в славянской народной речи того времени моделями. Может ли анализ доступных нам памятников письменности в сопоставлении их с греческими (и иногда латинскими) оригиналами пролить какой-то свет на эту проблему?

Следует, видимо, не только сопоставить структурные модели греческих и старославянских словосочетаний, предположительно образованных фразеологическим калькированием, но и обратить особенное внимание на „пробы пера“ славянских книжников, зафиксированные разночтениями по спискам. В этой связи интерес представляют недавно опубликованные наблюдения В. Желязковой над разночтениями по спискам Ветхого Завета при переводе устойчивых словосочетаний с τέκτων, номинирующих один лингвистический концепт: τέκτων ξύλων в 4Цар 12:11 переведено как дръводѣла в рукописи конца XIV в. F.I.461 и как дѣлатель дръвомъ в рукописи XVI в. собр. Григоровича (РГБ, ф. 87, собр. Григоровича № 1/М 1684); τέκτων λίθων во 2Цар 5:11 – как каменьѣ дѣлатель в рукописи F.I.461 и как дѣлатель стѣнамъ каменнѣмъ в рукописи XVI в. собр. Григоровича; τέκτων χαλκοῦ в 3Цар 7:2 в рукописи F.I.461 и как дѣлатель мѣды в рукописи XVI в. собр. Григоровича; τέκτων σιδήρου, как установили Д. Дунков и М. Тотоманова-Панева, имеет в разных списках целый ряд разночтений в соответствиях: коматъ крѣynn, крнѣ, коузнецъ, дѣлатель желѣзу (Желязкова 2021a). Определенные модели, возможно, создавались уже в процессе славянских переводов. В упомянутой выше статье Н. Николова приведен в качестве примера устойчивого словосочетания (т. е. фразеологического сочетания в другой классификации) также и старѣншна бесплѣтънѣнхъ, переводящее ὁ πρῶτος τῶν ἁσσωμάτων (Николов 2003: 239), – одно из наименований с опорным словом старѣншна, использовавшихся чаще (изначально?)

⁸ См., например, примеры такого типа, приведенные в статье Н. Н. Казанского (Казанский 2016: 199–205), на которые ссылаются Харри Вальтер и В.М. Мокиенко (Вальтер, Мокиенко 2019: 11).

для перевода композитов с первым компонентом ἀρχι- и считающихся одной из немногих надежных примет языка преславских книжников, подмеченной И. Добревым еще в 70-х годах прошлого века (Добрев 1978: 93–94). Можно ли сказать, что здесь мы имеем пример использования для фразеологического калькирования готовой (сложившейся?) модели построения несколькословного наименования?⁹

Уже Ш. Балли обратил внимание на такой вид фразеологизмов, как перифразы глаголов (*les périphrases verbales*), который он выделил среди фразеологических сочетаний (*séries phraséologiques*) (Bally 1921: 66, 72–73). Когда в конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века фразеологическое калькирование на материале древнерусских рукописей (в том числе и на материале несколько более поздних древнерусских списков со старославянских протографов) пытался изучать М. М. Копыленко, он прежде всего обратился к рассмотрению калькирования этого вида фразеологических сочетаний. В то же время Копыленко отмечал, что в ряде случаев „древнерусским сочетаниям Г+Сабстр (глагол+абстрактное существительное. – В. Е.) могут соответствовать в греческом одиночные глаголы или отличные от Г+Сабстр конструкции; например: „сътворити скръбъ“ – θλίβεῖν...; „приятити мьсть“ – ἀπολαύειν τῆς ἀμύνης...; „дати съвѣтъ“ – συμβουλεύειν...“ (Копыленко 1973: 147)¹⁰. Однако рассмотрение механизмов фразеологического калькирования в глагольных словосочетаниях Копыленко свел к проблеме сочетаемости, основанной на предметно-логических связях, в греческом и славянских языках (Копыленко 1973: 148–149). Опираясь на данные о наличии/отсутствии ряда глагольных словосочетаний в современных славянских языках и сопоставляя их с греческим, Копыленко в предыдущей своей статье 1969 г. определил „как несомненные кальки следующие со-

⁹ Добавим примеры из собственных наблюдений. Так, в переводе *Книги пророка Иезекииля* находим следующие фразеологические сочетания как результаты фразеологического калькирования несколькословных греческих наименований наименованиями с опорным словом старьшнна: ὁ ἀφηγοῦμενος τοῦ λαοῦ – старьшнна людьскъ (Иез 11:1, 245a20 по F.I.461), ὁ ἀφηγοῦμενος τοῦ Ἰσραὴλ – старьшнна нздранлєвъ (Иез 21:30, 271b24 по F.I.461), ὁ ἠγοῦμενος τῆς γῆς – старьшнна землѧ (Иез 17:13, 260b15 по F.I.461) и др. Как видим, старьшнна используется для перевода разных греческих слов (частей в составе греческих несколькословных наименований) – ὁ πρῶτος, ὁ ἀφηγοῦμενος, ὁ ἠγοῦμενος. Ср. в евангельском стихе Лк19:3, где композит с ἀρχι- ἀρχιτελώνης переводится как старьшн мытарємъ (Зогр, Мар, Ас), т. е. словосочетанием с компаративом от старь(ын), а не с сущ. старьшнна.

¹⁰ Т. е. – если наблюдения М. М. Копыленко привести в соответствие с современными лингвистическими представлениями – М. М. Копыленко заметил, что в то время как в языке греческих оригиналов глаголы глубинной структуры могут выражаться в поверхностной структуре однословными глаголами, в древнерусских текстах – словосочетаниями с семантически недостаточными глаголами, требующими информативно восполняющих зависимых слов.

четания: *творити волж, приѣти заповѣдь, приѣти отвѣтъ, прѣстѣлити законъ, дрѣжати мѣсто, творити врѣдъ и творити безаконіе*“ (Копыленко 1969: 48). Копыленко – в соответствии с принятой в то время методологией исследований – проводил сопоставление для каждой конкретной лексической единицы. Но какой механизм реально был задействован славянскими книжниками при образовании таких глагольных словосочетаний? Было ли это буквальное, пословное („слово за слово“) калькирование греческих глагольных словосочетаний или было использование существовавших в народной славянской речи моделей, компоненты которых варьируются?¹¹

Посмотрим, какие переводческие установки св. Кирилла в отношении образования таких словосочетаний могут быть выявлены в первых славянских переводах – *Евангелия* и *Псалтыри*. Как и другие переводческие установки св. Кирилла, эти установки впоследствии использовались славянскими книжниками и могли эволюционировать, однако рассматривать их нужно, как кажется, *ab origine*¹².

Обратимся к глаголу творѣти (ср. у Копыленко: *творити волж, творити врѣдъ, творити безаконіе*), который, действительно, часто употребляется в старославянском языке в качестве информативно недостаточного. В тексте старославянских евангельских кодексов неоднократно встречаем прѣбавѣи творѣти (Мт 5:32, 19:9; Мк 10:11, 10:12; Лк 16:18), а также нсѣбленна творѣти (Лк 13:32), молнтвѣ творѣти (молнтвѣ творѣще Мт 23:14), творѣти обндѣ (творѣштаѣ обндѣ Лк 6:28), творѣти трѣдѣ (Лк 11:7, 18:5). В *Псалтыри* встречаем огавнѣ творѣти (Пс 34:13), сѣдѣбѣ творѣти (сѣдѣбѣ творѣ Пс 9:17), творѣти благостынѣ (Пс 36:3, творѣиѣ благостынѣ Пс 13:1, 13:3), творѣти многостѣ (творѣиѣ многостѣ Пс 17:51), творѣти многостынѣ (творѣиѣ многостынѣ Пс 102:6), творѣти грѣдѣиѣ (творѣиѣ грѣдѣиѣ Пс 30:24, 100:7), творѣти волиѣ (творѣиѣ волиѣ Пс 102:21), творѣти правдѣ (творѣиѣ правдѣ Пс 105:3), творѣти неправдѣ (творѣиѣ неправдѣ Пс 27:3), творѣти законопрѣстѣплениѣ (творѣиѣ законопрѣстѣплениѣ Пс 36:7, 100:3), многократно творѣти безаконіиѣ (творѣиѣ безаконіиѣ Пс 13:4, 6:9, 35:13, 36:1, 91:8, 91:10, 58:6, 58:3, 100:8, 124:5).

¹¹ Ср. приведенную выше цитату из статьи Харри Вальтера и В.М. Мокиенко (Вальтер, Мокиенко 2019: 12).

¹² Корни философских представлений свв. Кирилла и Мефодия, отразившихся на их переводческих принципах и переводческих принципах их учеников, довольно подробно описаны – применительно к переводческому приему „двуязычные дублеты“ – в статье М. И. Чернышевой (Чернышева 1994).

Употребляется глагол творити и в своем прямом значении, т. е. как „информативно достаточный“. В таком случае существительное в словосочетании номинирует свой собственный лингвистический концепт¹³. Например: Ио 6:30: Τί οὖν ποιεῖς σὺ σημεῖον, ἵνα ἴδωμεν καὶ πιστεύσωμέν σοι;¹⁴

— кое оубо ты творѣши знаменне да виднмъ н вѣрѣ нмемъ тебѣ . Мар, Зоґр, Ас.

Или, например, с причастной формой в Пс 106:23–24:

οἱ καταβαίνοντες εἰς τὴν θάλασσαν ἐν πλοίοις ποιοῦντες ἐργασίαν ἐν ὕδασι πολλοῖς αὐτοὶ εἶδον τὰ ἔργα κυρίου...

— съходящѣи въ морє въ кораблѣхъ . творищѣи дѣлаше въ водахъ многахъ . тн видѣша дѣла гнѣ . Син.

Присмотримся, однако, к словосочетаниям, в которых творити является информативно недостаточным, т. е. к несколькословным наименованиям, номинирующим концепты действия. Неоднократно встречающееся в евангельском тексте прѣлюбы творити соответствует в греческом тексте однословному глаголу μοιχᾶν (μοιχᾶσθαι)¹⁵. И хотя В. Ягич в отношении любодѣи, прѣлюбодѣи, любодѣица, любодѣание и прѣлюбодѣание высказывал сомнение („es ist schwer zu sagen“), не являются ли они неологизмами (Jagić 1898–1899 20: 537), можно ли думать о неологизме в отношении словосочетания прѣлюбы творити? Или оно было взято из народной славянской речи как представитель восходящей к праславянскому модели?

А. М. Пентковский, ссылаясь на мнение В. А. Погорелова (Погорелов 1925: 4), считает появление в евангельском тексте словосочетания прѣлюбы творити – как и другие случаи передачи одного греческого слова двумя славянскими словами – обусловленным влиянием латинского текста (Пентковский 2019: 79). Однако прѣлюбы творити соответствует латинскому словосочетанию adulterium committere только в стихе тетра Мк 10:11, тогда как в других стихах, в том числе и в Мт 19:9 как в тетра, так и в апракосе, в латинском тексте соответствует – как и в греческом тексте – однословному глаголу moechari, либо (в Мт 5:32) adulterare. Ср. в Мт 19:9:

¹³ Оставляем пока в стороне добро творити, зло творити, которые могут иметь разные интерпретации.

¹⁴ Греческий и латинский текст здесь и далее приводится по изданиям: Robinson, Pierpont 2005; Merk 1984; Rahlfs 1952; F.I.461.

¹⁵ В старославянском инвентаре следует числить также и однословный глагол прѣлюбвнтн, зафиксированный в старших списках перевода *Апостола* в виде субстантивно употребленного в ср.р. мн.ч. причастия прѣлюблена(-ана) – для перевода греч. прил. προσφιλής. Ср. в Фил 4:8: Τὸ λοιπόν, ἀδελφοί, ὅσα ἐστὶν ἀληθῆ, ὅσα σεμνά, ὅσα δίκαια, ὅσα ἀγνά, ὅσα προσφιλῆ, ὅσα εὐφημα... ταῦτα λογίσεσθε. – прочее братне . еанко сѣтъ рѣснотнѣа . н еанко говѣнна . н еанко правѣдна . н прѣвнста . н еанко прѣлюблена . н еанко похвалнаа ... си помышлѣнте Слепч 101аb (прѣлюбленаа Мат, прѣлюбленаа Шиш 2 ×, прѣлюбвзнаа Христ, прѣлюбодѣнна Охр). Однако значение прѣлюблена(-ана) в соответствии с προσφιλῆ – ‘милое, любезное’ (и соответствующее значение должно быть у глагола прѣлюбвнтн), тогда как значение прѣлюбы творити – ‘прелюбодействовать’.

ὅτι ὃς ἂν ἀπολύσῃ τὴν γυναῖκα αὐτοῦ, μὴ ἐπὶ πορνείᾳ, καὶ γαμήσῃ ἄλλην, μοιχᾶται· καὶ ὁ ἀπολελυμένην γαμήσας μοιχᾶται.

– Dico autem vobis quia quicumque dimiserit uxorem suam nisi ob fornicationem et aliam duxerit moechatur et qui dimissam duxerit moechatur

– Ъко же аще поуститъ женѣ своѣѣ . развѣе словесе прѣлюбодѣнна . творитъ иѣ прѣлюбѣ творити . и женан са подѣбѣгоиѣ . прѣлюбѣ творитъ . Ас, Мар.

Таким образом, чтобы признать прѣлюбѣ творити фразеологической калькой с *adulterium committere*, нужно предположить, что процедура калькирования была проведена при переводе стиха тетра Мк 10:11, а затем готовое словосочетание-неологизм прѣлюбѣ творити распространилось на перевод других стихов, в том числе и стиха апракоса, что весьма сомнительно. Не говоря уже о том, что, хотя *adulterium committere*, как и прѣлюбѣ творити, в качестве словосочетания обозначает, конечно, ‘прелюбодействовать’, но, если предполагать пословное калькирование, то семантика *committere* не очень хорошо соотносится с семантикой творити (с точки зрения ‘семантических ядер’ этих глаголов) – не так хорошо, как если бы это было пословное калькирование, например, с *adulterium facere*.

Значение ‘прелюбодействовать’ выражается и параллельным сочетанием с глаголом дѣятн – прѣлюбѣ дѣятн, которое также переводит однословный глагол *μοιχᾶν* (*μοιχᾶσθαι*). Ср., например:

Мт 5:32: καὶ ὃς ἐὰν ἀπολελυμένην γαμήσῃ μοιχᾶται.

– и же подѣпѣгѣ поемлетъ прѣлюбѣ творитъ . Мар;

– и же подѣпѣгѣ поемлетъ прѣлюбѣ дѣетъ . Зогр.

Что мы имеем в чередовании прѣлюбѣ творити / прѣлюбѣ дѣятн? Может быть, модель народной славянской речи, компоненты которой варьируются?

Еще одно словосочетание с творити – огавнѣ творити – относится, возможно, к этой модели народной славянской речи. Словосочетание использовано в тексте *Псалтыри* (Пс 34:13) для перевода односложного глагола *παρενοχλεῖν*. Так же, как и прѣлюбѣ творити, оно имело параллельное образование с глаголом дѣятн, встречающееся в *Кормчей*, причем в *Кормчей* для перевода *παρενοχλεῖν* находим и огавнѣ творити (NomUst 30b16; NomJas 22b3) и огавнѣ дѣятн (NomUst 9a8; NomJas 7a14–15; NomJas 15b9), и однословный глагол огавнтн (NomUst 18a23) (данные взяты из SJS 2: 510–511). Учитывая, что наименования огавнѣ творити, огавнѣ дѣятн и огавнтн совпадают с греч. *παρενοχλεῖν* лишь в контекстном значении ‘досаждать’, но никак не в семантике корней¹⁶, можно предполагать, что славянские наименования подбирались как уже готовые для перевода греческого глагола.

Далее. Еще несколько словосочетаний с творити переводят в евангельском тексте и тексте *Псалтыри* однословные греческие глаголы. В Мт 23:14

¹⁶ Ср. псл. *gaviti (ЭССЯ 6: 112; ESJS 10: 574) и ὄχλος (Chantraine 3: 844–845).

находим словосочетание с причастной формой молнтвѣ творѣще, переводящее причастие *προσευχόμενοι*. Вряд ли кто сможет здесь заподозрить „влияние латинского текста“. Ср.:

Οὐαὶ ὑμῖν γραμματεῖς καὶ Φαρισαῖοι ὑποκριταί, ὅτι κατεσθίετε τὰς οἰκίας τῶν χηρῶν καὶ προφάσει μακρὰ προσευχόμενοι

– Vae vobis scribae et pharisaei hypocritae, quia comeditis domos viduarum, orationes longas [occasione longa] orantes

– горѣ вамъ кѣннгъуниѣ . н фарисѣн . и упокритн . ѣко сънѣдаате домы вѣдовницъ . и вниоѣ дааеѣ молнтвѣ творѣще . Мар.

В тексте *Псалтыри* для перевода глагола *προσεύχεσθαι* видим параллельное сочетание с глаголом дѣятн – молнтвѣ дѣятн:

Пс 108:4: ἐγὼ δὲ προσευχόμενῃν – азъ же молнтво (так!) дѣхъ . Син.

Т. е. находим такое же варьирование компонентов в молнтвѣ творитн / молнтвѣ дѣятн, как и в прѣлюбѣ творитн / прѣлюбѣ дѣятн. В несколько более позднем переводе видим использование молнтвѣ творитн для перевода и греческого однословного глагола *προσαδολεσχεῖν* с несколько иным (хотя и близким) значением, что, видимо, свидетельствует об „укорененности“ словосочетания в узусе языка:

Ὅντος γὰρ τοῦ ἐν τῇ κέλλῃ καὶ ἑαυτῷ προσαδολεσχοῦντος¹⁷ καὶ Θεῷ, εἰς ὕπνον μὲν τινα λεπτοτάτου ἔμφρασιν κατηνέχθη – спштоу бо велнокорумоу отъцоу вѣ хъзниѣ . н молн^{твѣ} тврѣштоу къ богу . вѣздѣма сѣ н оусънѣ малы . Супр, 275 (№ 24).

Пример перевода однословного греческого глагола словосочетанием с творитн находим и в стихе тетра Лк 6:28, где словосочетание с причастной формой *тврѣштѣн ѡбндѣ* переводит однословное причастие *ἐπηρεάζοντες*. „Влияние латинского текста“ и здесь никак нельзя заподозрить. Ср.:

προσεύχεσθε ὑπὲρ τῶν ἐπηρεάζόντων ὑμᾶς

– orate pro calumniantibus vos

– молнте сѣ за тврѣштѣнѣ вамъ ѡбндѣ . Мар, Зогр.

Посмотрим и на некоторые примеры, в которых творитн, являясь в словосочетании информативно недостаточным, участвует в переводе греческих словосочетаний (т. е. несколькословных наименований, номинирующих концепты действия). В стихе тетра Лк 13:32 нсѣѣлѣннѣ творитн переводит греч. *ἰάσεις ἐπιτελεῖν*:

καὶ ἰάσεις ἐπιτελεῖ σήμερον [καὶ αὔριον], καὶ τῇ τρίτῃ τελειοῦμαι.

– се нзгонѣ бѣсы . и нсѣѣлѣннѣ тврѣнѣ дньне н вѣ третн коньуаѣ . Мар.

Как видим, если предположить здесь пословное фразеологическое калькирование, то отдельно значение глагола творитн как части словосоче-

¹⁷ Букв. ‘общаясь (с Богом)’. Ср.: *προσαδολεσχεῖω* – be conversant with (Lampe 1961: 1164).

тания не очень точно соответствует значению ἐπιτελεῖν в соответствующем греческом словосочетании – нет семантики ‘доведения до конца’¹⁸. Если предположить „влияние латинского текста“, то та же семантика ‘доведения до конца’ присутствует и в латинском глаголе perficere. Ср.:

et sanitates perficio hodie et cras et tertia consummor.

Остается предположить образование по существовавшей в славянской народной речи модели – либо специальное образование по этому образцу при переводе *Евангелия*, либо употребления уже готового словосочетания.

В Лк 11:7 и Лк 18:5 творити трѹдѣ переводит греч. παρέχειν κόλον:

Лк 11:7: Μή μοι κόλους πάρεχε.

– не творѣи мн трѹдѣ . Мар – не твори ми трѹдѣ Ас, Сав, Зоґр;

Лк 18:5: διὰ γε τὸ παρέχειν μοι κόλον τὴν χίρα ταύτην, ἐκδικήσω αὐτήν

– зане творѣитѣ мн трѹдѣ въ доґвнца сн . да мыцѣ еѣ Мар, Зоґр, Ас, Сав.

Здесь так же, если предположить пословное фразеологическое калькирование, то активное значение глагола творити как части словосочетания не очень точно соответствует значению παρέχειν в соответствующем греческом словосочетании. Хотя формально παρέχειν является активным глаголом, значение его – „пассивное“, статичное ‘содержать в себе’¹⁹. Латинский текст в этом отношении еще дальше от старославянского перевода. Ср.:

Лк 11:7: noli mihi molestus esse;

Лк 18:5: tamen quia molesta est mihi haec vidua.

Следует ли здесь опять предположить образование по существовавшей в славянской народной речи модели – либо специально по этому образцу при переводе *Евангелия*, либо употребления уже готового словосочетания?

А если существовала такая модель, то не по ней ли образовывались новые словосочетания? Например, ποιεῖν χρηστότητα – творити благостыниѣ, ποιεῖν τὴν ἀνομίαν – творити беззаконеніе и т.д., ἐργάζεσθαι δικαιοσύνην – дѣлати правдѣ (Пс 14:2), ἐργάζεσθαι τὴν ἀνομίαν – дѣлати беззаконіе (Мт 7:23) и дѣлати беззаконеніе (Пс 52:5) и т.д.?

В заключение определим цель наших рассуждений в этой относительно небольшой статье: показать, что фразеологическое калькирование как один из путей формирования старославянского лексического фонда до настоящего времени фактически не изучено, но изучения заслуживает. По-видимому, при фразеологическом калькировании в старославянском языке использовалось как прямое пословное („слово за слово“) калькирование, так и взаимодействие с моделями, существовавшими в народной славянской речи того времени.

¹⁸ Ср., например, перевод ἐπιτελεῖν в Рим 15:28: Τοῦτο οὖν ἐπιτελέσας, καὶ σφραγισάμενος αὐτοῖς τὸν καρπὸν τοῦτον, ἀπελεύσομαι δι’ ὑμῶν εἰς τὴν Σπανίαν. – се оубо съкнѹдѣ н запечатѣвъ нмѣ плодѣ съ, ндоу вамн въ спанню . Христ.

¹⁹ Ср. у Шантрена: ἔχω avoir > être à (Chantraine 2: 392).

СОКРАЩЕНИЯ НАЗВАНИЙ РУКОПИСЕЙ

Ас	Ассеманиево евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: K u r z, J. <i>Evangeliař Assemanův</i> . Praha, 1955.
Зогр	Зографское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: J a g i ć, V. <i>Quattuor evangeliorum codex glagoliticum dim Zographensis nunc Petropolitanus</i> . Berolini, 1879.
Мар	Мариинское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: Я г и ч, И. В. <i>Мариинское четвероевангелие</i> . Graz, 1960.
Мат	Матичин апостол, древнесербская рукопись XIII в.; изд.: Ковачевић, Р., Д. Стефановић, Д. Богдановић. <i>Матичин апостол (XIII век)</i> . Београд, 1979.
Охр	Охридский апостол, среднеболгарская рукопись XIII в.; изд.: Кульбакин, С. М. <i>Охридская рукопись апостола конца XII века</i> . – В: Български старини. Кн. 3. София, 1907.
Сав	Саввина книга, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: <i>Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века</i> . Ч. 1. Изд. подг. О. А. Князевская, Л. А. Коробенко, Е. П. Дограмаджиева. Москва, 1999.
Син	Синайская псалтырь, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: С е в е р ь я н о в, С. Н. <i>Синайская псалтырь</i> . Graz, 1954.
Слепч	Слепченский апостол, среднеболгарская рукопись XII в.; изд.: И л ь и н с к и й, Г. А. <i>Слепченский апостол XII века</i> . Москва, 1912.
Супр	Супрасльская рукопись, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: Severjanov, S. <i>Codex Suprasliensis</i> . Т. 1–2. – In: <i>Editiones monumentorum slavlicorum veteris dialecti</i> . Graz, 1956.
Христ	Христинопольский апостол, древнерусская рукопись XII в.; изд.: Kaľužniacki, E. <i>Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice ad fidem codicis Christopholitani</i> . Vindobonae, 1896.
Шиш	Шишатовачкий апостол, древнесербская рукопись 1324 г.; изд.: Stefanović, D.E. <i>Apostolus Šišatovacensis anni 1324</i> . Wien, 1989.
F.I.461	Библейские книги, среднеболгарская рукопись конца XIV в.; изд.: <i>Старобългарският превод на Стария завет</i> . Под ред. С. Николова. Т. 1. София, 1998; Т. 2. София, 2003.
NomJas	Иоасафская кормчая, древнерусская рукопись XVI в. (в статье данные приведены по SJS).
NomUst	Устюжская кормчая, древнерусская рукопись XIII в. (в статье данные приведены по SJS).

ЛИТЕРАТУРА

- Вальтер, Мокиенко 2019 В а л ь т е р, Х., В. М. М о к и е н к о. *Праславянская фразеология: Миф или реальность?* [Val'ter, H., V. M. Mokienko. Praslavianskaia frazeologija: Mif ili real'nost'?). – Jazykovedný časopis (Journal of Linguistics), 70 (2019), № 1, p. 5–32.
- Верещагин 1997 В е р е щ а г и н, Е. М. *История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников.* Москва, 1997 [Vereshchagin, E. M. Istoriiia vzniknoveniia drevnego obshcheslavianskogo literaturnogo iazyka: Perevodcheskaia deiatel'nost' Kirilla i Mefodiia i ikh uchenikov. Moskva, 1997].
- Верещагин, Костомаров 2005 В е р е щ а г и н, Е. М., В. Г. К о с т о м а р о в. *Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы.* Москва, 2005 [Vereshchagin, E. M., V. G. Kostomarov. Iazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie koncepcii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy. Moskva, 2005].
- Виноградов 1977 В и н о г р а д о в, В. В. *Лексикология и лексикография.* Москва, 1977 [Vinogradov, V. V. Leksikologija i leksikografija. Moskva, 1977].
- Григорьев 2019 Г р и г о р ь е в, А. В. *Русская библейская фразеология в контексте культуры.* Москва, 2019 [Grigor'ev, A. V. Russkaia biblejskaia frazeologija v kontekste kul'tury. Moskva, 2019].
- Добрев 1978 Д о б р е в, И. *Гръцките думи в Супрасълския сборник и втората редакция на старобългарските богослужбени книги.* – Български език, 38 (1978), № 2, с. 89–98 [Dobrev, I. Gratskite dumi v Suprasalskia sbornik i vtorata redaktsiia na starobalgarskite bogosluzhebni knigi. – Balgarski ezik, 38 (1978), № 2, s. 89–98].
- Ефимова 2016 Е ф и м о в а, В. С. *Об истории изучения старославянского калькирования: Проблемы и методы.* – В: Кирило-Методиевски студии. Кн. 25. София, 2016, с. 79–89. [Efimova, V. S. Ob istorii izucheniiia staroslavianskogo kal'kirovaniia: Problemy i metody. – V: Kirilo-Metodievski studii. Kn. 25. Sofia, 2016, s. 79–89].
- Ефимова 2017 Е ф и м о в а, В. С. *О границе между старославянскими лексическими единицами и словосочетаниями.* – В: Славянское и балканское языкознание: Палеославистика. Москва, 2017, с. 60–80 [Efimova, V. S. O granitse mezhdru staroslavianskimi leksicheskimi edinitsami i slovosochetaniiami. – V: Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie: Paleoslavistika. Moskva, 2017, s. 60–80].

- Ефимова 2020 Е ф и м о в а, В. С. *Номинации субстантивированными причастиями в старославянском языке.* – Славяноведение, 2020, № 4, с. 88–99 [Efimova, V. S. Nominatsii substantivirovannymi prichastiami v staroslavianskom iazyke. – Slavianovedenie, 2020, № 4, s. 88–99].
- Ефимова 2021 Е ф и м о в а, В. С. *Пути формирования старославянского лексического фонда.* Москва, 2021 [Efimova, V. S. Puti formirovaniia staroslavianskogo leksicheskogo fonda. Moskva, 2021].
- Ефимова 2021а Е ф и м о в а, В. С. *Некоторые соображения о старославянских номинациях субстантивированными причастиями* [Efimova, V. S. Nekotorye soobrazheniia o staroslavianskikh nominatsiiakh substantivirovannymi prichastiiami]. – Palaeobulgarica, 45 (2021), № 2, с. 49–64.
- Ефимова, Желязкова 2014 Е ф и м о в а, В. С., В. Ж е л я з к о в а. *Несколькословные номинации лиц в древнейших славянских рукописях* [Efimova, V.S., V. Zheliazkova. Neskol'koslovnnye nominatsii lits v drevneishikh slavianskikh rukopisiakh]. – Palaeobulgarica, 38 (2014), № 3, с. 33–48.
- Желязкова 2021 Ж е л я з к о в а, В. *Вирсавия или Колодец клятвы? К вопросу о наименованиях мест в древнеболгарском переводе ветхозаветных книг.* – В: Славянское и балканское языкознание. Вып. 21. Палеославистика: Лексикология и текстология. К 100-летию Р. М. Цейтлин. Отв. ред. В. С. Ефимова. Москва, 2021, с. 178–191 [Zheliazkova, V. Virsavii ili Kolodets kliatvy? K voprosu o naimenovaniiah mest v drevnebolgarskom perevode vetkhozavetnykh knjg. – V: Slavianskoe i balkanskoe iazykoznanie. Vyp. 21: Paleoslavistika. Leksikologija i tekstologija. K 100-letiiu R. M. Tseitlin. Otv. red. V. S. Efimova. Moskva, 2021, s. 178–191].
- Желязкова 2021а Ж е л я з к о в а, В. *Кой е бил Веселеил, или за славянските съответствия на гр. τέκτων и неговите деривати.* – В: Шъствотоѣ нынѣ по слѣду оучителю. Сборник в чест на проф. д.ф.н. Анна-Мария Тотоманова. София, 2021, с. 465–474 [Zheliazkova, V. Koy e bil Veseleil ili za slavyanskite saotvetstvia na gr. tékτων i negovite derivati. – V: Shъstvuyо нынѣ по слѣду uchitelyu. Sbornik v chest na prof. d.f.n. Anna-Maria Totomanova. Sofia, 2021].
- Казанский 2016 К а з а н с к и й, Н. Н. *Диалект, просторечие и языковой узус.* – В: Verba magistro. Сборник научных статей памяти профессора Александра Сергеевича Герда. Отв. ред. А. Х. Гирфанова, С. А. Мызников. Санкт-Петербург, 2016, с. 190–206 [Kazanskiĭ, N. N. Dialekt, prostorechie i iazykovoĭ uzus. – V: Verba magistro. Sbornik nauchnykh stateĭ pamiatĭ professor Aleksandra Sergeevicha Gerda. Otv.

- red. A. H. Girfanova, S. A. Myznikov. St. Petersburg, 2016, s. 190–206].
- Копыленко 1969 К о п ы л е н к о, М. М. *Опыт сопоставительного изучения фразеологических единиц типа дать совет в славянских языках.* – Вопросы языкознания, 1969, № 2, с. 46–53 [Kopylenko, M. M. Opyt sopostavitel'nogo izucheniia frazeologicheskikh edinitz tipa dat' sovet v slavianskikh iazykakh. – Voprosy iazykoznanii, 1969, № 2, s. 46–53].
- Копыленко 1973 К о п ы л е н к о, М. М. *Кальки греческого происхождения в языке древнерусской письменности.* – Византийский временник, 34 (1973), с. 141–150 [Kopylenko, M. M. Kal'ki grecheskogo proiskhozhdeniia v iazyke drevnerusskoĭ pis'mennosti. – Vizantiĭskii vremennik, 34 (1973), s. 141–150].
- Мелерович, Мокиенко 2008 М е л е р о в и ч, А. М., В. М. М о к и е н к о. *Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка.* Кострома, 2008 [Melerovich, A. M., V. M. Mokienko. Semanticheskaia struktura frazeologicheskikh edinitz sovremennoĭ russkogo iazyka. Kostroma, 2008].
- Минчева 1995 М и н ч е в а, А. *Калки в старобългарски език.* – В: Кирило-Методиевска енциклопедия. Т. 2. София, 1995, с. 209–212 [Mincheva, A. Kalki v starobalgarski ezik. – In: Kirilo-Metodievska enciklopediya. T. 2. Sofia, 1995, s. 209–212].
- Николов 2003 Н и к о л о в, Н. *Именните (фразеологични) и съставните устойчиви словосъчетания в старобългарския език.* – В: Преславска книжовна школа. Т. 7. Шумен, 2003, с. 232–254 [Nikolov, N. Imennite (frazeologichni) i sastavnite ustoychivi slovosachetania v starobalgarskia ezik. – In: Preslavska knizhovna shkola. T. 7. Shumen, 2003, s. 232–254].
- Ничева 1987 Н и ч е в а, К. *Българска фразеология.* София, 1987 [Nicheva, K. Balgarska frazeologia. Sofia, 1987].
- Пентковский 2019 П е н т к о в с к и й, А. М. *Славянский перевод Евангелия и его использование в богослужении в IX (посл. треть) – XI вв.* – В: Од светог Ћирила Словенског ка светом Сави Српском (869/1219–2019). Београд, 2019, с. 73–152 [Pentkovskiy, A. M. Slavianskii perevod Evangelii i ego ispol'zovanie v bogoslužhenii v IX (posl. tret') – XI vv. – V: Od svetog Ćirila Slovenskog ka svetom Savi Srpskom (869/1219–2019). Beograd, 2019, s. 73–152].
- Погорелов 1925 П о г о р е л о в, В. А. *Из наблюдений в области древнеславянской переводной литературы. I. Латинское влияние в переводе Евангелия.* Bratislava, 1925 [Pogorelov, V. A. Iz nabludeniĭ v oblasti drevneslavianskoĭ perevodnoĭ literatury. I. Latinskoe vliianie v perevode Evangelii. Bratislava, 1925].

- Старобългарски речник 1999 *Старобългарски речник*. Отг. ред. Дора Иванова-Мирчева. Т. 1. София, 1999 [Starobalgarski rechnik. Otg. red. Dora Ivanova-Mircheva. T. 1. Sofia, 1999].
- Толстой 1995 Т о л с т о й, Н. И. *О реконструкции праславянской фразеологии*. – В: Толстой, Н. И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. Москва, 1995, с. 383–404 [Tolstoï, N. I. O rekonstruktsii praslavianskoï frazeologii. – V: Tolstoï, N. I. Iazyk i narodnaia kul'tura. Oчерki po slavianskoï mifologii i etnolingvistike. Moskva, 1995, s. 383–404].
- Чернышева 1994 Ч е р н ы ш е в а, М. И. *К вопросу об истоках лексической вариантности в ранних славянских переводах с греческого языка: переводческий прием „двуязычные дублиеты“*. – Вопросы языкознания, 1994, № 2, с. 97–107 [Chernysheva, M. I. K voprosu ob istokakh leksicheskoi variantnosti v rannikh slavianskikh perevodakh s grecheskogo iazyka: perevodcheskii priem „dviuiazychnye dublety“]. – Voprosy iazykoznaniiia, 1994, № 2, s. 97–107].
- ЭССЯ *Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд*. Под ред. О. Н. Трубачева; с 2005 г. под ред. А. Ф. Журавлева; с 2016 г. под ред. Ж. Ж. Варбот. Вып. 1 –. Москва, 1974 – [Etimologicheskii slovar' slavianskikh iazykov: Praslavianskii leksicheskii fond. Pod red. O. N. Trubacheva; s 2005 g. pod red. A. F. Zhuravleva; s 2016 g. pod red. Zh. Zh. Varbot. Vyp. 1 –. Moskva, 1974 –].
- Bally 1921 B a l l y, Ch. *Traité de stylistique française*. Vol. 1. 2. ed. Heidelberg, 1921.
- Chantraine C h a n t r a i n e, P. *Dictionnaire etymologique de la langue grecque: Histoire des mots*. Т. 1–4. Paris, 1968, 1970, 1974, 1977.
- Cowie 1998 C o w i e, A. P. *Introduction*. – In: *Phraseology: Theory, Analysis and Application*. Oxford, 1998. p. 1–20.
- Eckert 1991 Eckert, R. *Studien zur historischen Phraseologie der slawischen Sprachen (Unter Berücksichtigung des Baltischen)* (= Slavistische Beiträge, Bd. 281). München, 1991.
- ESJS *Etymologický slovník jazyka staroslověnského*. Seš. 1–19. Praha, 1989–2018.
- Jagić 1898–1899 J a g i ć, V. *Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten*. – Archiv für slavische Philologie, 20 (1898), p. 516–556; 21 (1899), p. 28–43.
- Lampe 1961 L a m p e, G. W. H. *A patristic Greek lexicon*. Oxford, 1961.
- Merk 1984 M e r k, A. S. J. *Novum Testamentum graece et latine. Apparatu critico instructum edidit Augustinus Merk S. J.* Ed. 10. Romae, 1984.

- Molnár 1985 Molnár, N. *The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts: A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices*. Köln–Wien, 1985.
- Pawley 2007 Pawley, A. *Developments in the study of formulaic language since 1970: A personal view*. – In: *Phraseology and culture in English*. Ed. P. Skandera. Berlin–NY, 2007, p. 3–45.
- Rahlfs 1952 *Septuaginta*. Vol. 1–2. Ed. A. Rahlfs. 5. ed. London, 1952.
- Robinson, Pierpont 2005 Robinson, M. A., W. G. Pierpont. *The New Testament in the original Greek: Byzantine Textform*. Southborough, Mass., 2005.
- SJS *Slovník jazyka staroslověnského*. T. 1–4. Praha, 1958–1997.
- Večerka 1997 Večerka, R. *The Influence of Greek on Old Church Slavonic*. – *Byzantinoslavica*, 58 (1997), № 2, p. 363–386.
- Wray 2002 Wray, A. *Formulaic Language and the Lexicon*. Cambridge, 2002.

SEVERAL QUESTIONS TO PHRASEOLOGICAL CALQUING IN THE OLD CHURCH SLAVONIC LANGUAGE

(Summary)

The article discusses the necessity to study the phraseological calquing as one of the ways of forming of the Old Church Slavonic lexical fund. The practice of comparing Old Church Slavonic texts and their Greek (and sometimes Latin) originals shows that many multi-word names can be “suspected” to have been formed by phraseological calquing. However, it should be taken into account that the similarity of Greek and Old Church Slavonic phrases does not always indicate calquing. Any way the influence of the Greek structures on the formation of the Old Church Slavonic ones should be considered more carefully. The author suggests that both direct word-by-word phraseological calquing and interaction of the structures of the Greek multi-word nominations with the models existing in the Slavic folk speech of the time could have been used in the formation of restricted collocations.

Keywords: Old Church Slavonic language; phraseological calquing; influence of the Greek structures; models of the Slavic folk speech.

*Valeriya S. Efimova,
Institute of Slavic Studies –
Russian Academy of Sciences*